

БИБЛЕЙСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ
«ПЕЩЬ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Устойчивые выражения, восходящие к Библии, занимают важное место в системе русской фразеологии, а изучение их происхождения и путей проникновения в русский язык является задачей, заслуживающей особого внимания и требующей обращения к обширному материалу. Данная статья посвящена изучению истории библеизмов с компонентом *печь* (*пещь*) в древнерусском языке.

Слово *печь* (древнерус. *печь*, церковносл. *пещь*) неоднократно встречается на страницах Священного Писания для указания на различные виды печей, которые могли обозначаться специальными греческими терминами.

1. *Печь для обжига и плавки* (греч. κάμινος).

Такой вид печи упоминается, например, в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, в главе, посвященной поучительным рассуждениям автора о важности содержательной беседы (Сир 27: 5): *Босѣды скѣделничѣ искѣшаетъ пещь, ѿ искѣшеніе члѣческо въ помышленіи его*¹, и в эпизоде о прославлении дел Бога-творца (43: 4): *пещь |стрегѣщїа| (дѣла и вара), трегѣбо слнце жегыи горы* (ОБ. Л. 1096). В Книге Иова (41: 12) мы обнаруживаем слово *пещь* в описании левиафана: *из ноздрїи (же) его исходи дымъ пещи гораща огне (и) оугльми* (ОБ. Л. 885). Обратим внимание, что образу печи в данном примере сопутствует стихия огня. В Новом Завете в Откровении Иоанна Богослова (1: 13–15) данное слово используется в составе сравнительного оборота при описании Бога: *и носѣ его подобни мѣди хакѣливановѣ, яко в пещи ражеженѣ* (ОБ. Л. 1900).

2. *Духовая (отопительная) печь* (греч. κλίβανος, более раннее κριβανος).

Данный вид печи встречается в Книге Бытия (15: 17), когда при описании заключения завета Бога с Авраамом указывается, что между рассеченными животными возникает дым, как из духовой печи: *пламы бысть и се пещь кѣрщисѣ, и свѣща огнены прондоша междѣ плотми сими* (ОБ. Л. 42). В Новом Завете в Евангелии от Матфея (6: 30) такая печь упоминается в притче о плевелах: *сѣно селное, днѣ сѣще, и оутрѣ в пещь влѣтаемо, бгѣ тако одѣветъ. не много ли паче васѣ маловѣри* (ОБ. Л. 1542).

В то же время в Библии образ печи очень часто имеет символический смысл, который подвергается дальнейшему развитию в греческих святоотеческих и древнерусских текстах. Так, во Второзаконии (4: 20) в своей речи Моисей напоминает иудеям о том времени, когда Бог освободил их от «гнета египетского»: *вѣ же взѣ |гѣ| бѣ ѿ изведе васѣ ѿ пещи желѣзны изъ егѣпта* (ОБ. Л. 280). Здесь мы находим устойчивое сочетание *пещь желѣзна* (греч. κάμινος τῆς σιδηρᾶς), которое имеет переносное значение ‘рабство еврейского народа’. Интересно, что в греческом библейском тексте данное выражение имеет вариативность компонентов, а в Острожской Библии встречается только в виде *пещь желѣзна*. Так, в Третьей Книге Царств (8: 51) в греческом оригинале мы находим сочетание *ἐκ μέσου χωνευτηρίου σιδηρου* (*посреди плавки железной*) в указанном переносном значении, однако в Острожской Библии мы читаем: *паче изведе из зѣмла егѣпетски ѿ среды пещи желѣзны* (ОБ. Л. 524). Таким образом, мы можем сделать вывод, что данный оборот на славянской почве окончательно становится устойчивым и употребляется в стабильной форме.

¹ Острожская Библия. Львов, 2006. Л. 1079 (далее – ОБ, ссылки на листы приводятся в тексте в скобках).

Слово *пещь* в библейских текстах неоднократно выступает как символическое обозначение Божьей ярости, возмездия за человеческие грехи, испытаний. В Книге пророка Иезекииля (22: 20) автор предупреждает свой народ о грядущем Божьем наказании за непослушание и нарушение его заповедей: **ѿко же прїемлетъ сребро и мѣдь, и желѣзо и свинець, и олово чистое средѣ печи. ꙗко вѣдѣти в на огню такоже пожещи. Тако прїмѣ (васъ) въ гнѣвѣ моемъ... и въведѣ и оставлю и пожегѣ васъ... такоже пожигаѣтсѧ сребро средѣ печи, такоже пожегетсѧ средѣ еѧ** (ОБ. Л. 1307). В Книге пророка Исаии представлен схожий по содержанию фрагмент, в котором пророк говорит об испытаниях, постигших Израиль (48: 10): **се продахѣ тѧ не сребра ради избрах же тѧ ис печи оубожества** (ОБ. Л. 1157). В Книге пророка Малахии (4: 1–2), описывая день пришествия Господа, автор также использует образ печи: **ꙗко се днь градеть гора ꙗко печь и поपालить ѧ. И вѣдѣтъ вси иноплеменицы, и вси творѣщен безаконїѧ ꙗко стѣблїе. И возжетъ ѧ днь [гнѣ] И въсметъ вамъ боѧщимсѧ имени моего слнцѣ праведно, и исцѣленїе крылѣ его. и изыдете и възыграетсѧ ꙗко телцы ѿ оубѣ раздрѣшени** (ОБ. Л. 1439). В некоторых случаях при переводе греческих *κῆμινος* и *κλίβανος* на церковнославянский вместо слова *пещь* могут использоваться слова *огнь* или *гърнило*: **ꙗкоже искѣшаетсѧ въ огни сребро и злато, тако избранныхъ срѣца ѿ гѧ** (Притч 17: 3; ОБ. Л. 997), что соотносится с представлениями, сложившимися в поздних книгах Ветхого Завета: божественный огонь, в том числе, как мы видим, и огонь печи, уничтожает грешных, но исцеляет и очищает праведных.

Обратим внимание на самый значимый библейский фрагмент, в котором упоминается печь. В третьей главе Книги пророка Даниила повествуется о трех отроках Анании, Азарии и Мисаиле, отказавшихся поклоняться кумиру по повелению царя Навуходоносора и брошенных по его приказу в плавильную печь (*εἰς τὴν κῆμινον τοῦ πυρός τὴν κλιμένην* – **пещь огнемъ палачѣ**), но благодаря вмешательству Бога оставшихся невредимыми (3: 50) – **и не прикоснѣсѧ ихъ ѿнѣдѣ огнь, ни оскорби, ни стѣжи имъ**, в то время как стоящих рядом с печью прислужников царя объял огонь (3: 47–48) – **и распалашесѧ пламень над пещїю, на мѧ лактѣ. и обынде и пожегѣ ꙗже обрете о печи халденстѣи** (ОБ. Л. 1358).

Эта история имеет глубокий символический подтекст. *Огонь* и *печь* выступают как явления карающие, наказующие, но в то же время очищающие и исцеляющие души. Пламя не опалило юношей и не принесло им страданий. Это ниспосланное испытание, которое они достойно преодолели благодаря крепости своей веры.

В богослужебной и экзегетической византийской и древнерусской литературе история трех отроков довольно часто выступает как символ нравственной проверки на прочность веры и стойкости духа. Как указывает Иоанн Златоуст, «[три отрока] были в печи и не потерпели никакого зла; а ввергнувшие их были вне ее, однако же все, сколько их ни стояло вокруг, истреблены. Чтобы познал ты, что не место, но расположение души бывает причиной и спасения и наказания»². В другом месте Иоанн Златоуст сопоставляет данную историю с библейскими фрагментами, в которых ветхозаветные праведники (Иеремия, брошенный в высыхающий колодезь по повелению иудейского царя, Даниил, оказавшийся во рве со львами, три отрока) получают спасение по истинной молитве: «Я хочу напомнить им о трех отроках, бывших в печи и пламени, которые, видя огонь, со всех сторон окружавший их, объявший и тело их, и глаза, и самое дыхание, не переставали петь с тварями священную и таинственную песнь Богу, но стоя тогда посреди пламени, усерднее, чем находящиеся на лугу, воссылали славословие общему всех Господу; а вместе с этими тремя отроками и о львах вавилонских, о Данииле и его рве (Дан. 6: 24).

² Иоанн Златоуст. О статуях, Беседа 6. Беседа против непришедших в собрание и на слова апостола: «если враг твой голоден, накорми его» (Римл. 12:20), и о злопамятстве // Иоанн Златоуст. Сочинения. Т. II. Кн. 1, 7. URL: <http://azbyka.ru> (дата обращения: 12.12.2012).

И не только об этом прошу их вспомнить, но и о другом рве и пророке, о погряшем в тине до самой шеи Иеремии (Иер. 38: 6)»³. Этот фрагмент пересказывается в Изборнике Святослава 1073 г.: **Вѣдомо же ксть тако не пытаемо мѣсто нѣ образъ ікремиа въ пропасти вѣ нѣ бѣ оумоли и данилъ въ гѣмѣ львовѣ вѣ и бѣ оумоли гѣ к отроци въ печи вѣша и бѣ оумолиша**⁴.

В Путятиной Минее XI в. мы наблюдаем более широкое обобщение: **Въ печь въвьрженъ бѣ обрѣте тѣ прохладѣщи слава въ образъ ангскъ тако и юноша три спсе въпнища прѣблжене**⁵.

В октябрьской Минее 1096 г. история трех отроков сопоставляется, согласно византийской традиции, с новозаветным повествованием о рождении Христа: **оуношь трии печь не впаши рожество прообразоующеу чста**⁶. Таким образом, отроки в печи являются прообразом Богородицы (ср. также: *неопалимая купина*) и, по истолкованию отцов Церкви, символизируют нетленность Девы и по воплощении, и по рождении от нее Христа. Как огонь печи не нанес никакого повреждения трем отрокам, так и чистота Пресвятой Богородицы оказалась нетронутой.

О популярности данного ветхозаветного эпизода Книги пророка Даниила свидетельствует и его театрализованное воплощение в стенах церкви. Чин «пещного действия» совершался в XVI – первой половине XVII в. и представлял собой воспроизведение ветхозаветной истории о трех отроках. Во время проведения обряда ряженные халдеи допрашивали юношей, затем ввергали их в «печь», откуда затем отроки выходили целыми и невредимыми.

«Пещное действие» находилось в тесной связи с чином утреннего богослужения и совершалось в день Святых Отец или Святых Праотец. В тексте ирмосов мы встречаем устойчивое выражение *авилонская печь (пещь)*: **Вавилонская печь седмь седмицею разжена вывши халдѣйскѣ слѣги попали** [Дмитриевский, с. 26]. Это выражение активно употреблялось в византийских текстах, в том числе у Иоанна Златоуста.

В данном случае, как и в святоотеческих сочинениях, рассматриваемое выражение используется в прямом значении: «печь, установленная по приказу вавилонского царя как орудие смертной казни для тех, кто не пожелал поклониться кумиру». Переносное значение данного библеизма «о раскаленном пространстве, о пекле» формируется только в XVIII в.: «Сотворился превеликий и страшный пожар. Огонь свирѣпствоваше на нивы, вѣтр же на огонь толико, яко... страны оныя поля, в Вавлонскую печь превратиша.» (Кантемир Д. «Книга систима или состояние мухаммеданския религии»)⁷.

Итак, мы видим, что в ветхозаветных книгах первоначально формируется представление об огне, в том числе и огне печи, очищающем праведников и уничтожающем грешников.

Однако в поздних книгах Ветхого Завета развиваются идеи, согласно которым ад – это место мучений грешников. Как известно, первоначально еврейский *шеол* и древнегреческий *айд* или *гадес* не подразумевали мук и страданий неправедных людей после смерти. Данное представление позднее будет развито в Новом Завете. Так, в Евангелии от Матфея (13: 41–42) читаем: **Послетъ снѣ члчкѣи агглы своа, и съверѣтъ ѿ цртвѣа его всѣ съблзны, и творцама безаконїе, и ввергѣтъ ихъ в печь огненѣ тѣ бѣдетъ плачь, и**

³ Иоанн Златоуст. Беседа против непришедших в собрание и на слова апостола: «если враг твой голоден, накорми его» (Римл. 12:20), и о злопамятстве. URL: <http://azbyka.ru>.

⁴ Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М., 1983. Л. 235.1.

⁵ Новгородская служебная минея на май (Путятина минея) XI в. / Изд. подгот. В. А. Баранов, В. М. Марков. Ижевск, 2003. Л. 49.1.

⁶ Яич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886. Л. 98.2.

⁷ Словарь русского языка XVIII в. СПб., 1984. Вып. 2. С. 195–196.

скрежетъ зѣвом (ОБ. Л. 1553). Итак, *печь* более не выступает явлением двусторонним, одновременно сочетающим в себе исцеляющие и карающие свойства, это сугубо отрицательный образ, метафорическое название преисподней. Именно в таком значении оно фиксируется в византийских и древнерусских текстах — *κᾰμῖνος του πυρός* ‘горящая печь, перен. адское пламя’⁸, *печь геоньскаа, огньнаа* ‘геена, ад’⁹. В данном значении выражение сближается с другим библеизмом *геона/геенна огненная*, который многократно встречается в тексте Нового Завета — в Евангелии от Матфея 5: 22, 5: 29–30, 10: 28, 18: 8–9, 23: 15, 23: 33, в Евангелии от Марка 9: 43, 9: 45–47, в Евангелии от Луки 12: 5, в Послании Иакова 3: 6.

Источником оборота *печь огненная* является Ветхий Завет. Выражение впервые использовано в Псалтири (20: 10): *десница твоа обратѣтъ вса ненавидѣщаа тебе | тако | положиши ихъ тако печь огненнѣ* (ОБ. Л. 898). В то же время выражение *печь огненна* здесь употребляется еще в первоначальном ветхозаветном смысле: из контекста видно, что огненная печь — это символ божественного возмездия за людское невежество и непризнание власти Бога. За неповиновение людей сожжет наказующий огонь, они будут пылать, как печь огненная. Также в библейском греческом тексте использованы различные лексемы: в Псалтири — *κλίβανος*, а в Евангелии от Матфея — *κᾰμῖνος*. Кроме того, у Матфея выражение *печь огненная* употребляется в новом значении ‘место мучений грешников’ с глаголом *βᾰλλω* ‘бросать, ввергать’.

Данное выражение достаточно часто встречается в византийских и древнерусских текстах, при этом как в ветхозаветном, так и в новозаветном значении.

Рассмотрим употребление выражения *печь огненная* в ранних древнерусских сочинениях.

Так, в Минее сентябрьской (1095–1096 г.) печь выступает как метафорический символ искушений и испытаний, которые преодолел святой: *Иако въ печи огньнѣ аврамьскыа избавлн рвьностию бл҃гочыстна велѣник моучительско боносъче попыралъ кси блнѣ. Иако въ печи искоущени ражженымъ божьствѣмъ сросодавице бл҃гдти съ нѣси постѣтивъши тебе прѣне блнѣ*¹⁰. То же самое значение выражения представлено в другом фрагменте данной Минеи: *Въ печь огнююу ненцѣльныхъ мчнкъ въвьрьженъ мчнче росюу ѿ ба приатъ тьрьпѣниемъ*¹¹. Также данное выражение появляется в Остромировом Евангелии непосредственно в описании истории о трех отроках: *мѣца тож пѣт стѣхъ г отрокъ ананнѣ азариѣ мисаила иже въ вавулонѣ оугаснша печь огньнѣ*¹².

С другой стороны, в Пандектах Антиоха (XI в.) представлено новозаветное значение данного оборота: *печь огненная* — это наказание нечестивых людей, творящих беззаконие: *послѣть бо снѣ члчѣ ан҃глы своа и съвереть отъ цр҃ства свогго вса съблазны и творащиа безаконѣ и въвьрьжетъ га въ печь огньнѣ. Тѣгда праведнии просвѣтатъса тако слнѣце въ цр҃ствѣ оцѣ ихъ* (ГИМ. Воскрес. № 30. Л. 303.1).

В некоторых древнерусских текстах представлена своеобразная контаминация ветхозаветного и новозаветного значений, например в Минее октябрьской (1096 г.): *двы бо моудрыа хѣмъ рачениемъ жегомы неможенни кстьства забывъше и бжнею силою гавѣ оукрѣплѣмы льщеник вражнѣк попыраша не оустрашыше са мчннѣа болѣзни и печи же огньны не богаще са*¹³. По всей вероятности, это происходит уже на византийской почве, когда авторы используют прообразовательный принцип истолкования Священного Писания,

⁸ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. URL: <http://www.slovarus.info/grk.php>.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 43.

¹⁰ Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. Л. 164.2.

¹¹ Там же. Л. 48.2.

¹² Остромирово евангелие. Факсимильное изд. Памятника 1056–1057 гг., хранящегося в РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1988. Л. 246.1л

¹³ Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. Л. 93.1.

связывая между собой различные библейские фрагменты. В народном сознании ветхозаветная история о трех отроках также оказывается соединена с новозаветными представлениями о печи как аде. Так, в у В. И. Даля в загадке о глиняном горшке (*Взятъ отъ земли, яко Адамъ; вверженъ въ печь огненну, яко три отрока; посаженъ на колесницу, яко Илія; везенъ бысть на торжище, яко Іосифъ; купленъ женою за мѣдницу, поживе труженикомъ во огни адскомъ и надсадися; облеченъ бысть въ пестрыя ризы, и нача второй вѣкъ жити; по одряхлѣніи же разсыпая, и земля костей его не приѣмлетъ*¹⁴) встречается фрагмент *ввержен в печь огненну, яко три отрока*, в котором к новозаветному выражению *ввержен в печь огненну* добавлен сравнительный оборот, отсылающий к Ветхому Завету.

Заметим, что оборот *ввергать в печь огненную/геоньскую* фиксируется в Словаре древнерусского языка XI–XIV в.: «*тѣ вѣвѣржен боудетъ въ печь огнюю*» (пример из Пролога на сентябрь-январь 1282 г.)¹⁵ и в Словаре русского языка XI–XVII в.: «*И порежетъ серпомъ гнева своего, и свѣжетъ тьмою погнѣбеліи и вѣвержетъ в геоньскѣю печь*» (пример из Посланий Іосифа Волоцкаго (конец XV — начало XVI в.))¹⁶, что позволяет говорить о том, что данное выражение было фактом древнерусского языка.

Итак, образ печи в тексте Священного Писания является ключевым для понимания и толкования эпизодов, в которых он встречается. Его ветхозаветное значение сопряжено с амбивалентными функциями стихии огня в Ветхом Завете — с одной стороны, разрушением и уничтожением, с другой — очищением и идеей божественной справедливости. Однако в поздних ветхозаветных книгах формируется представление о печи как о месте мук грешников, что в дальнейшем будет развито и в Новом Завете.

Наш анализ выявил несколько устойчивых выражений с компонентом *печь*, которые встречаются как в библейских текстах, так и в экзегетической и богослужебной литературе. Фразеологизм *печь железная*, обозначающий рабство еврейского народа, впервые появляется в переносном значении уже в самом тексте Библии (Втор 4: 20, 3 Цар 8: 51). Оборот *вавилонская печь* получает переносное значение только в русских текстах Петровской эпохи. Самым распространенным в византийской и древнерусской литературе является выражение *печь огненная*. Восходящее к Псалтири, в Новом Завете оно изменяет свое значение и в дальнейшем может активно использоваться в новом значении с компонентом *ввергать*. В византийской и славянской богослужебной литературе данное выражение в некоторых случаях сохраняет ветхозаветную символику образа печи как испытаний для праведных, требующих от них проявления душевных сил, крепости духа и уверенности в помощи Бога, а иногда несет новозаветный смысл 'попадать в ад, получать воздаяние за земные грехи'. Также в богослужебной литературе в связи с использованием авторами прообразовательного принципа истолкования Священного Писания происходит контаминация ветхозаветного и новозаветного значений исследуемого выражения.

Литература

Дмитриевский А. А. Чин Пещного действия. СПб., 1895.

---

¹⁴ Даль В. Толковый словарь живаго великорускаго языка. URL: <http://slovardalja.net>.

¹⁵ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988. URL: http://old_russian.academic.ru (дата обращения: 12.12.2012).

¹⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 43.

